

РИТОРИЧЕСКИЙ МЕТАДИСКУРС КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ТИП ДИСКУРСА

[Исследование выполнено в рамках проекта, финансируемого ДААД и Министерством образования и науки РФ по программе «Immanuel Kant» (2009 г.)]

Предметом размышления автора статьи является неоднозначное понятие дискурса. В статье анализируются различные подходы к дискурсу и обосновывается необходимость введения в научный обиход понятия риторического метадискурса. Риторический метадискурс рассматривается в четырех аспектах: как совокупность риторических (персуазивных) дискурсивных параметров, инвариантных для некоторых типов текста; как совокупность типов текста, отвечающих риторическим (персуазивным) дискурсивным параметрам; как любой комплексный речевой акт, обладающий персуазивной интенцией; как совокупность реальных высказываний / текстов, отвечающих риторическим (персуазивным) дискурсивным параметрам. Автор также описывает основные параметры риторического метадискурса, которые являются базой для его типологического описания.

Ключевые слова: дискурс, риторический метадискурс, риторические (персуазивные) дискурсивные параметры, тип текста, тип дискурса.

A. Golodnov

RHETORICAL META-DISCOURSE AS AN INTEGRATIVE DISCOURSE TYPE

The article deals with various discourse concepts. The term “rhetorical meta-discourse” is introduced into practice. Rhetorical meta-discourse is described in 4 aspects: 1) as a complex of rhetorical (persuasive) parameters, which are invariant for some types of texts; 2) as a complex of text types, which have rhetorical (persuasive) discursive parameters; 3) as a speech macroact with persuasive intention; 4) as a complex of real texts, which have rhetorical (persuasive) parameters. The article also describes relevant parameters of rhetorical discourse.

Keywords: discourse, rhetorical meta-discourse, rhetorical (persuasive) discursive parameters, text type, discourse type.

Предварительные размышления. Дискурс является одной из основополагающих категорий современного гуманитарного знания. В философии, социо-

логии, истории, литературоведении и лингвистике дискурс выступает и как объект анализа, и как исследовательская парадигма, обеспечивающая определен-

ный подход к анализу релевантных для гуманитарных наук проблем. Такая амбивалентность дискурса в сочетании с размытостью самого этого понятия приводит к многообразию дискурс-концепций, которые сосуществуют и «борются за гегемонию в дискурсе»* той или иной науки. Дискурс науки (научный дискурс) — лишь одно из нескольких десятков сочетаний термина «дискурс» с определениями различного рода, используемых для уточняющей номинации того или иного типа дискурса (точнее, некоторой сущности, определяемой исследователями как дискурс). Несмотря на «понятийную расплывчатость» категория дискурса стала необходимой для научного осмысления сложных процессов социального взаимодействия индивидов и групп как в конкретный исторический период, так и в диахронии. Социальное взаимодействие осуществляется в коммуникации, а дискурс как раз является тем «полем», в котором речемыслительная (коммуникативная) деятельность перерастает в деятельность социальную.

Не случайно дискурс становится объектом интереса лингвистики во время обновления лингвистической парадигмы, когда, по словам Н. Д. Арутюновой, «интерес к минимальным лингвистическим единицам сменился интересом к максимуму-тексту (дискурсу), рассматриваемому в его взаимодействии с прагматическими факторами» (цит. по работе [6, с. 13]). По словам В. А. Андреевой, «активная разработка этой категории (дискурса. — А. Г.) отражает <...> переход к междисциплинарному исследованию функционирования языка в разных областях жизни языкового сообщества, взаимодействия языковой и социальной практик, роли языка в развитии и становлении субъекта и языкового коллектива» [1, с. 7].

Некоторое представление о широкой распространенности дискурсивных ис-

следований и о различиях в интерпретации понятия дискурса дает ознакомление со следующими терминами: «дискурс о мигрантах», «феминистический дискурс», «политический дискурс» и т. д. На этом фоне введение в научный обиход двух новых терминов — метадискурс и риторический метадискурс — может быть воспринято как неоправданное и избыточное. Однако мы полагаем, что данные термины необходимы для более адекватного научного описания социальной и коммуникативной реальности.

В первой части статьи рассматривается понятие дискурса в его наиболее распространенных интерпретациях и обосновывается концепция метадискурса в опоре на существующие теории дискурса. Во второй части — предметом размышления является риторика как теория и практика убеждающей коммуникации и риторичность как дискурсивная характеристика. В заключение даются определение и характеристика риторического метадискурса.

От дискурса к метадискурсу. Ранее было отмечено, что отсутствие единства в понимании и определении понятия дискурса не препятствует активному использованию данного термина в различных науках. Кажущаяся парадоксальность этого факта объясняется расхождением базисных концепций, избираемых исследователями социально-коммуникативной деятельности. При этом представляется возможным установить аспекты, объединяющие большинство подходов к дискурсу:

а) онтологическая связь дискурса и деятельности (ментальной, речевой, социальной), из чего вытекает:

б) онтологическая связь понятия дискурса с понятием текста. (Само существование дискурса гарантируется наличием текста, порождение и восприятие которого является неотъемлемой частью речемыслительной и социальной деятельности), что предопределяет:

в) онтологическую связь дискурса и специфического использования языка в социально-коммуникативной ситуации.

Ю. С. Степанов справедливо отмечает: «Дискурс — это ... особое использование языка ... для выражения особой ментальности, ... особой идеологии» [10, с. 38]. В. Е. Чернявская характеризует «...дискурсы как особые языковые формации, коррелирующие с той или иной областью общественной практики, человеческого познания и коммуникации» [12, с. 14].

Соотношение понятий дискурса и текста, являющееся терминологической проблемой лингвистики текста, станет для нас основой разграничения основных концепций дискурса, принятых в современной лингвистике. Однако мы не рассматриваем традиционную триаду подходов к решению данной терминологической проблемы: «отождествление понятий «текст» и «дискурс», полное разграничение понятий по параметру статика объекта (текст) / динамика коммуникации (дискурс) и включение текста в понятие дискурса» [9, с. 23].

Во-первых, мы оставляем в стороне концепции, отождествляющие понятия дискурса и текста, так как они не полностью учитывают деятельностный аспект дискурса. Так, например, В. Г. Борботько понимает дискурс как текст, как цельное образование, состоящее из коммуникативных единиц — предложений и их объединений в более крупные единства на основе непрерывной смысловой связи [4]. Несмотря на упоминание функциональности текста-дискурса (коммуникативная функция последовательности предложений), понятия текста и дискурса фактически воспринимаются как синонимы.

Во-вторых, мы считаем (как уже было сказано выше), что понятия дискурса и текста онтологически связаны и могут быть разграничены только при условии

признания их связи. По словам Е. С. Кубряковой, «хотя понятия текста и дискурса и следует различать, понятия эти отнюдь не *противопоставлены* друг другу, т. е. не являются взаимоисключающими» [7].

Существенным для нас является соотношение дискурса и конкретного текста с одной стороны и дискурса и совокупности текстов — с другой.

Дискурс // текст vs. дискурс // совокупность текстов. В соотношении с единичным текстом дискурс рассматривается как конкретное коммуникативное событие, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве и фиксируемое в форме текста. В этом случае элементами дискурса являются участники коммуникации, само сообщение (или текст), код, на котором создано сообщение, и экстралингвистическая ситуация, в которой происходит коммуникация, а любой текст может быть аналитически «выведен на дискурсивный уровень» при условии привлечения деталей экстралингвистического контекста его порождения и / или восприятия.

В определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве порождается и воспринимается по единому когнитивному сценарию множество текстов со сходными характеристиками. С этой точки зрения дискурс может рассматриваться как множество реально или потенциально существующих текстов, обладающих некоторыми общими признаками (например, объединяемых общей темой или относящихся к одной коммуникативной сфере). Данная концепция представляет собой результат «лингвистической адаптации» взглядов французского философа М. Фуко, в работах которого термин «дискурс» является ключевым, а понятие дискурса используется для операциона-

лизации анализа роли языка в социальной практике, в порождении, эволюции и сохранении знания.

Проблема при этом заключается в отсутствии в работах самого М. Фуко однозначного определения дискурса, что дает возможность вариативного толкования этого понятия даже в рамках, казалось бы, единой концепции. Э. Килиан рассматривает пять толкований дискурса у М. Фуко [19]. Существенным для лингвистики представляется, в первую очередь, понимание дискурса как структурированного множества рассеянных высказываний в совокупности с правилами и условиями, которым они подлежат (правилами формирования дискурса). М. Зекслэ называет высказывания «атомами» дискурса и определяет их как то, что было либо *могло быть* (курсив наш. — А. Г.) сказано в определенное время в определенном месте [23, с. 260].

Эта трактовка дискурса у М. Фуко также неоднозначна, так как он соотносит дискурс как с определенной областью знания или коммуникативной ситуацией, так и с определенным предметом (темой): медицинский дискурс, научный дискурс и дискурс о безумии. Терминологическое разграничение принимает сторонник концепции М. Фуко немецкий лингвист З. Егер, различая «*Diskursstraenge*» (множества высказываний) и «*Diskursebenen*» (уровни дискурса: социально-коммуникативные сферы, в которых высказывания существуют) [17]. Подобное разграничение мы находим также у социолога Н. Фэркло, который в качестве одного из измерений дискурса выделяет *порядок дискурса*, объединяющий различные дискурсы, используемые в каком-либо социальном институте или в социальной области (например, порядок дискурса СМИ) [11, с. 109].

Обобщая вышеизложенное, выделим те элементы концепций, базирующихся

на взглядах М. Фуко, которые будут нам необходимы в дальнейшем для решения задачи определения и характеристики метадискурса:

- объединение текстов или высказываний в дискурс на основании определенных общих признаков. Следует отметить, что «текст» и «высказывание» в данном случае не являются синонимами. Текст может включать высказывания, относящиеся к разным дискурсам, т. е. текст представляет собой полидискурсное образование;

- формирование дискурса по определенным правилам. При этом правила формирования дискурса могут пониматься шире, чем у М. Фуко;

- включение в дискурс как реальных, так и потенциально возможных высказываний, если они не противоречат правилам формирования дискурса («то, что могло быть сказано»!);

- связь понятия дискурса с понятием практики (деятельностный аспект). Социальное взаимодействие невозможно вне дискурсивной практики, «которая включает производство и восприятие текстов» [11, с. 110].

Следует особо подчеркнуть, что две концепции дискурса (дискурс // текст, дискурс // совокупность текстов) тесным образом связаны. Одним из важнейших объединяющих их характеристик является прототипичность дискурса. Действительно, конкретный текст, рассматриваемый «в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [3, с. 136], соотносится с дискурсом на основании выявления типического в ситуации порождения и/или восприятия текста — интенции, коммуникативных ролей адресанта и реципиента, канала восприятия, коммуникативных стратегий, обусловленных особенностями коммуникативной ситуации, инвариантного языкового оформления. Не

случайно, может существовать текст от 21.11.2008 как результат коммуникативного процесса, но использование словосочетания «дискурс от 21.11.2008» неконвенционально, т. е. противоречит принятому словоупотреблению. Однако текст от 21.11.2008 может рассматриваться как «представитель» некоторого типа дискурса — рекламного, политического, дискурса об иммиграции и т. п., т. е. как один из тех экземпляров, которые относятся к некоторому множеству высказываний с общими признаками. Так как это множество включает не только реальные, но и потенциально возможные высказывания, фактически дискурс и в этом случае лишь — прототип, совокупность дискурсивных параметров, которые являются инвариантными для *n*-количества текстов. Дискурс — виртуальная «открытая» единица, и установление ее границ в каждом конкретном случае обусловлено не только правилами формирования дискурса (самоограничение дискурса), но и субъективными целями исследователя.

Понятие метадискурса. Введение понятия метадискурса также можно считать попыткой установления границ для некоторого множества текстов. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что высказывания или тексты, относящиеся к разным порядкам (Н. Фэркло) или уровням (З. Егер) дискурса, могут быть объединены на основании общности определенных признаков, например, тематически. Именно совокупность *тематически соотнесенных* текстов в зарубежных школах дискурс-анализа, ориентирующихся на М. Фуко (критический дискурс-анализ, Маннгеймская школа и др.), получает наименование дискурса.

Приведем в качестве примера определение К. Фраас: «Diskurs heisst (...) eine Menge von Texten, die unter dem Aspekt einer gemeinsamen Einordnungsinstanz — eines gemeinsamen globalen Themas —

aufeinander bezogen sind»** [14, с. 4]. Между текстами дискурса в этом случае существуют разнообразные референциальные и языковые связи. Тема дискурса должна представлять общественный интерес, быть предметом дискуссии в социуме, а сам дискурс должен репрезентировать существующее «общественное» знание о предмете и одновременно генерировать новое знание. Не оспаривая данное понимание дискурса, отметим, что тематическая однородность высказываний / текстов не является достаточным критерием для типизации, а мы, как было отмечено выше, считаем прототипичность существенной характеристикой дискурса.

Наблюдения за коммуникативной реальностью показывают, что в разных коммуникативных сферах (порядках дискурса) функционируют тексты с общими коммуникативно-прагматическими, структурными и языковыми характеристиками. Абстрагируясь от конкретной ситуации общения, мы можем говорить о типах текста, о моделях порождения бесконечного множества текстов с одинаковыми прототипическими признаками. Эти типы текста, общность которых обусловлена тем, что они исторически «выросли» из определенной социальной практики, образуют виртуальную сеть, которую мы называем *метадискурсом*.

Итак, под метадискурсом мы понимаем гетерогенный дискурс, включающий в себя тексты (типы текстов), относящиеся к различным порядкам дискурса, но имеющие определенные общие коммуникативно-прагматические признаки. Метадискурс может рассматриваться в четырех аспектах: 1) метадискурс есть совокупность дискурсивных параметров, которые являются общими (инвариантными) для некоторых типов текста, функционирующих в различных коммуникативных сферах. В этом аспекте можно говорить о дискурсе-прототипе,

когнитивном сценарии и т. п.; 2) метадискурс есть совокупность типов текстов, отвечающих заданным дискурсивным параметрам; 3) метадискурс есть ментально-коммуникативный процесс развертывания любой связной последовательности высказываний в соответствии с когнитивным сценарием (метадискурс как комплексный акт речемыслительной (дискурсивной) деятельности); 4) метадискурс есть совокупность реальных высказываний / текстов, отвечающих заданным дискурсивным параметрам. Границы метадискурса открыты, т. е. он регулярно пополняется новыми высказываниями / текстами, соотносимыми с прототипом.

«Ограничение» метадискурса производится исследователем путем формирования корпуса высказываний / текстов в соответствии с целью исследования.

Объектом нашего интереса является риторический метадискурс как тип метадискурса. Прежде чем дать определение риторическому метадискурсу, необходимо рассмотреть риторичность как особую дискурсивную характеристику.

Риторичность как дискурсивная характеристика. Несмотря на то, что риторика как теория и практика существует уже более 2000 лет, ее задачи до сих пор трактуются неоднозначно. В теории литературы риторика противопоставляется поэтике как «искусство прозаической речи» [8, с. 168] и определяется как дисциплина, изучающая способы построения художественно выразительного прозаического текста. Ограниченность такого понимания задач риторики становится очевидной при обращении к античным риторическим концепциям.

Античная риторика возникла как теория публичной речи, изучающая разнообразные формы преимущественно языкового воздействия на слушателя (аудиторию), или, по Аристотелю, пытающаяся «найти возможные способы убежде-

ния относительно каждого данного предмета» [2, с. 8]. Риторика систематизировала рекомендации, касающиеся композиции речей, способов аргументации, убеждения и эмоционального воздействия на слушателя, средств оживления и украшения стиля (риторических фигур). Одним из важных положений античной риторики было положение о свободе принятия решений в отношении предмета убеждения.

«Риторическое возрождение» в современном гуманитарном знании связано с обращением к античной риторической теории в 40–50 годах XX столетия. В этот период демократические изменения во многих государствах делают актуальным поиск способов воздействия на аудиторию, приемлемых в новых общественно-политических условиях, когда свобода принятия решений реципиентом является одним из основных параметров ситуации воздействия.

Ключевым для современной деятельностью ориентированной риторики («не-риторики») является понятие персуазивной коммуникации (лат. *persuādeo*, -suāsi, -suāsum, -ēre 1) убеждать, уверять, внушать; 2) побуждать, склонять, уговаривать [5, с. 577]), которая представляет собой социально-коммуникативную практику, исторически сложившийся способ ментально-речевого взаимодействия индивидов или групп в определенной коммуникативной ситуации с целью побуждения реципиента / -ов к посткоммуникативной деятельности. С позиции дискурс-анализа, ориентированного на М. Фуко, можно говорить о *персуазивной* (или *риторической*) *дискурсивной практике* как об особой стратегии порождения высказывания в рамках определенного прототипического коммуникативного события.

Интерпретация риторики как персуазивной коммуникации приводит к возникновению оппозиционных подходов к

риторичности как к характеристике высказывания, что связано с двойственностью понятия персуазивности, объединяющего убеждение и увещевание / уговаривание, т. е. рациональную аргументацию и эмоциональное воздействие. Ряд концепций (теория социального действия Ю. Хабермаса, теория риторической коммуникации Й. Коппершмидта, риторика диалога Г. Гейснера) выдвигает в качестве основной категории персуазивной коммуникации убеждение (*Ueberzeugen*), в то время как увещевание, уговаривание (*Ueberreden*) «разоблачаются» как манипулятивные, идеологизированные, пропагандистские, нечестные, а потому неприемлемые способы достижения цели. Основной целью персуазивной коммуникации при этом считается достижение консенсуса относительно целей последующей совместной деятельности коммуникативных партнеров.

Сторонники такого подхода исключают из предметной области деятельности ориентированной риторики любые попытки повышения эффективности риторического воздействия с помощью неаргументативных приемов, так как обращение к эмоциональной сфере реципиента приводит не к консенсусу, а к «эмоциональной интеграции», что может быть интерпретировано как проявление насилия в виде эмоционального навязывания мнения, как использование языка в качестве «инструмента подчинения» (*Herrschaftsinstrument*) [20, с. 21].

Противопоставляя рациональное убеждение (*Ueberzeugen*), которое, по их мнению, и составляет специфику персуазивной коммуникации, эмоциональному «обольщению» (*Ueberreden*), сторонники рационалистических концепций персуазивности разрывают дихотомию рационального и эмоционального, свойственную античным представлениям о риторическом (персуазивном) воздействии, и отождествляет персуазив-

ную коммуникацию и рациональное аргументирование в идеальной ситуации (см., напр., работу [15]).

Рационалистические концепции персуазивности справедливо критикуются за идеализм сторонниками дескриптивного (ориентированного на реальные коммуникативные ситуации) подхода к исследованию речевого воздействия (см., напр., работу [21]). Среди современных риторических концепций дескриптивного направления выделяется неориторика Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытека [22]. Х. Перельман называл неориторику теорией аргументации, однако оперировал не истинностными, а ценностными суждениями, которые являются неформальными, правдоподобными, вероятностными и выступают в качестве аргументов. Таким образом, неориторика рассматривает рациональный и эмоциональный способы убеждения как равноправные и одинаково приемлемые в реальной персуазивной коммуникативной ситуации. Главная цель аргументации, по Х. Перельману и Л. Ольбрехтс-Тытеке, — присоединение (*adhesion*) аудитории к положениям оратора, представляющее собой добровольный акт и предполагающее выбор, основой которого является согласие (*accord*).

Обобщая результаты исследований представителей дескриптивной теории персуазивности, можно выделить следующие существенные параметры риторичности как характеристики персуазивной социокоммуникативной практики, т. е. фактически как дискурсивной характеристики:

- целью общения является регулирование посткоммуникативного поведения реципиента (побуждение его к действию в интересах адресанта) через изменение убеждений, мнений, оценок реципиента;
- адресант принимает коммуникативную роль источника побуждения, а ре-

ципиент — роль исполнителя каузируемого адресантом действия;

- коммуникативная роль источника побуждения может реализовываться вариативно, в зависимости от меняющихся условий общения (от рационального аргументатора до манипулятора);

- для риторичности характерна дихотомия рационального убеждения и эмоционально-манипулятивного «обообще-ния» реципиента;

- адресант и реципиент находятся в отношениях реального либо симулируемого (прежде всего адресантом) равноправия. Более того, поддержание отношений равноправия выгодно адресанту для достижения его цели;

- реципиент принимает самостоятельное решение о необходимости / желательности / возможности совершить определенное действие в интересах адресанта в ситуации свободного выбора;

- для риторического высказывания характерно аргументативное развертывание темы (argumentative Themenentfaltung, по К. Бринкеру [13]), и аргументативная структура макропропозиции, минимальной единицей которой является аргументативный шаг, который репрезентируется следующей формулой:

Заключение, или вывод (Konklusion)

↑ → Правило вывода (Schlussregel)

Аргумент, или довод (Argument) (как рациональный, так и эмоциональный) [16, с. 77].

При этом правило вывода в риторическом высказывании большей частью остается имплицитным и пресуппонируется в высказывании как нечто само собой разумеющееся, например: Katalysatorautos sollen auf breiter Basis eingefuehrt werden, weil sie die Umweltschaeden verringern [18, с. 17].

Заключение: Katalysatorautos sollen auf breiter Basis eingefuehrt werden.

Аргумент: Katalysatorautos verringern die Umweltschaeden.

Правило вывода: * Wenn Katalysatorautos die Umweltschaeden verringern, sollen sie auf breiter Basis eingefuehrt werden (Wenn etwas Schaeden verringert, soll es verwendet werden).

В комплексном риторическом высказывании / тексте аргументативные шаги взаимодействуют друг с другом для обоснования центрального заключения о необходимости / желательности / возможности совершения / отказа от совершения посткоммуникативного действия в интересах адресанта, а практическое аргументирование подкрепляется манипулятивными и суггестивными приемами воздействия на реципиента.

Данные параметры риторичности (список их, разумеется, не полон) мы считаем основными характеристиками риторического метадискурса.

Риторический метадискурс: определение понятия. Риторический метадискурс определяется нами в четырех аспектах (см. п. «Понятие метадискурса») как:

(1) совокупность риторических (персуазивных) дискурсивных параметров (см. выше), которые являются инвариантами для некоторых типов текста, функционирующих в различных коммуникативных сферах — порядках дискурса (в политической, юридической, рекламной, религиозной сфере, в средствах массовой информации);

(2) совокупность типов текста, отвечающих риторическим (персуазивным) дискурсивным параметрам. Назовем такие типы текста риторическими (персуазивными). К персуазивным типам текста (с большей или меньшей интенсивностью реализации персуазивной интенции) традиционно относят рекламное объявление, объявление о вакансии, объявление о знакомстве, публичное политическое выступление, дебаты, листовку, комментарий в прессе, рецензию, проповедь, речи адвоката и прокурора перед судом и некоторые другие;

(3) любой комплексный речевой акт (акт речемыслительной, или дискурсивной, деятельности), осуществляемый с целью добиться от реципиента принятия *самостоятельного* решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта;

(4) регулярно пополняемая совокупность реальных высказываний / текстов, отвечающих риторическим (персуазивным) дискурсивным параметрам.

Между риторическим метадискурсом и порядками дискурса, которые мы также называем социофункциональными дискурсами, скорее существуют отношения частичной инклюзивности, что объясняется возможностью «сосуществования» в одной коммуникативной сфере типов текста с разными прагматическими целеустановками (например, протокол и предвыборная речь в политическом дискурсе; речь адвоката и приговор в юридическом дискурсе).

Риторический метадискурс, понимаемый как совокупность типов текста, мо-

жет быть представлен в виде поля, в центре которого находятся типы текстов, характеристики которых в наибольшей степени соответствуют риторическим (персуазивным) дискурсивным параметрам (например, рекламный текст). На периферии располагаются типы текстов, в которых персуазивная целеустановка не является основной среди прочих коммуникативно-прагматических установок. Такие типы текстов являются маргинальными элементами риторического метадискурса (например, эссе).

Итак, риторический метадискурс является особым типом дискурса, интегрирующим тексты различных типов, которые относятся к различным коммуникативным сферам, но объединяются общей персуазивной целеустановкой адресанта на побуждение реципиента к совершению выгодного адресанту коммуникативного действия в ситуации свободного выбора. Интегрирование текстов означает в данном случае принципиальную соотносимость типологических характеристик текста с набором риторических (персуазивных) дискурсивных параметров.

ПРИМЕЧАНИЯ

* «Борьба за гегемонию» — термин дискурсивно-аналитических концепций, ориентирующихся на взгляды М. Фуко [см. напр., 11].

** «Дискурс представляет собой множество текстов, объединяемых на основании общности глобальной темы» (перевод наш. — А. Г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006. 182 с.
2. Аристотель. Риторика. М.: Лабиринт, 2000. 220 с.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
4. Борботько В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1998. 48 с.
5. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1998. 845 с.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999. 284 с.
7. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс]: Свободный доступ к сети Интернет. <http://helpforlinguist.narod.ru/linguistics1/kubryakova-01.html>
8. Лотман Ю. М. Риторика // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 167–184.

9. Руберт И. Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 23–36.
10. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
11. Филипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр «Монолог», 2004. 334 с.
12. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.
13. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einfuehrung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 1997. 168 s.
14. Fraas C. Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Tuebingen: Narr, 1996. 175 s.
15. Groeben N., Schreier M., Christmann U. Argumentationsintegritat (I): Herleitung, Explikation und Binnenstrukturierung des Konstrukts. Heidelberg / Mannheim: Psychologisches Institut, 1990. 64 s.
16. Herbig A. F. „Sie argumentieren doch scheinlich!“ Sprach- und sprechwissenschaftliche Aspekte einer Stilistik des Argumentierens. Frankfurt am M.: Peter Lang, 1992. 308 s.
17. Jaeger S. Einen Koenigsweg gibt es nicht. Bemerkungen zur Durchfuehrung von Diskursanalysen. In: H. Bublitz/A. D. Buehrmann/Ch. Hanke/A. Seier (Hrsg.): Das Wuchern der Diskurse: Perspektiven der Diskursanalyse Foucaults. Frankfurt (Main); New York: Campus Verlag, 1999. S. 136–147.
18. Kienpointner M. Alltagslogik: Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart — Bad Cannstatt, 1992. 447 s.
19. Kilian E. Diskursanalyse. In: R. Schneider/Ch. Spittel (Hrsg.): Literaturwissenschaft in Theorie und Praxis. Eine anglistisch-amerikanistische Einfuehrung. Tuebingen: Gunter Narr Verlag, 2004. S. 61–81.
20. Kopperschmidt J. Allgemeine Rhetorik. Einfuehrung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation. Stuttgart, Berlin, Koeln, Mainz: Kohlhammer, 1976. 216 s.
21. Krebs, B.-N. Sprachhandlung und Sprachwirkung. Berlin: Erich Schmidt, 1993. 168 s.
22. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. A New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press, 2000. 566 p.
23. Sendl M. Einfuehrung in die Literaturtheorie. Wien: WUV, 2004. 323 s.

REFERENCES

1. Andreeva V. A. Literaturnyj narrativ: tekst i diskurs. SPb.: Norma, 2006. 182 s.
2. Aristotel'. Ritorika. M.: Labirint, 2000. 220 s.
3. Arutjunova N. D. Diskurs // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaja enciklopedija, 1990. S. 136–137.
4. Borbot'ko V. G. Obschaja teorija diskursa (principy formirovanija i smysloporozhdenija): Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar: Kubansk. gos. un-t, 1998. 48 s.
5. Dvoreckij I. H. Latinsko-russkij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1998. 845 s.
6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. Omsk: Izd-vo Omsk. un-ta, 1999. 284 s.
7. Kubryakova E. S. O tekste i kriterijah ego opredelenija [Elektronnyj resurs]: Svobodnyj dostup k seti Internet. <http://helpforlinguist.narod.ru/linguistics1/kubryakova-01.html>
8. Lotman Ju. M. Ritorika // Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallin: Aleksandra, 1992. S. 167–184.
9. Rubert I. B. Tekst i diskurs: k opredeleniju ponjatij // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: Sb. nauch. st. SPb., 2001. S. 23–36.
10. Stepanov Ju. S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip Prichinnosti // Jazyk i nauka konca XX veka. M.: RGGU, 1995. S. 35–73.
11. Filips L., Jorgensen M. V. Diskurs-analiz. Teorija i metod. Har'kov: Gumanitarnyj centr «Monolog», 2004. 334 s.
12. Chernjavskaja V. E. Diskurs kak objekt lingvisticheskikh issledovanij // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa. SPb., 2001. S. 11–22.
13. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einfuehrung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 1997. 168 s.

14. *Fraas C.* Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Tübingen: Narr, 1996. 175 s.
15. *Groeben N., Schreier M., Christmann U.* Argumentationsintegrität (I): Herleitung, Explikation und Binnenstrukturierung des Konstrukts. Heidelberg / Mannheim: Psychologisches Institut, 1990. 64 s.
16. *Herbig A. F.* „Sie argumentieren doch scheinlich!“ Sprach- und sprechwissenschaftliche Aspekte einer Stilistik des Argumentierens. Frankfurt am M.: Peter Lang, 1992. 308 s.
17. *Jaeger S.* Einen Königsweg gibt es nicht. Bemerkungen zur Durchführung von Diskursanalysen. In: H. Bublitz/A. D. Buehrmann/Ch. Hanke/A. Seier (Hrsg.): Das Wuchern der Diskurse: Perspektiven der Diskursanalyse Foucaults. Frankfurt (Main); New York: Campus Verlag, 1999. S. 136–147.
18. *Kienpointner M.* Alltagslogik: Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart — Bad Cannstatt, 1992. 447 s.
19. *Kilian E.* Diskursanalyse. In: R. Schneider/Ch. Spittel (Hrsg.): Literaturwissenschaft in Theorie und Praxis. Eine anglistisch-amerikanistische Einführung. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. S. 61–81.
20. *Kopperschmidt J.* Allgemeine Rhetorik. Einführung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: Kohlhammer, 1976. 216 s.
21. *Krebs B.-N.* Sprachhandlung und Sprachwirkung. Berlin: Erich Schmidt, 1993. 168 s.
22. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* A New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press, 2000. 566 pp.
23. *Sexl M.* Einführung in die Literaturtheorie. Wien: WUV, 2004. 323 s.